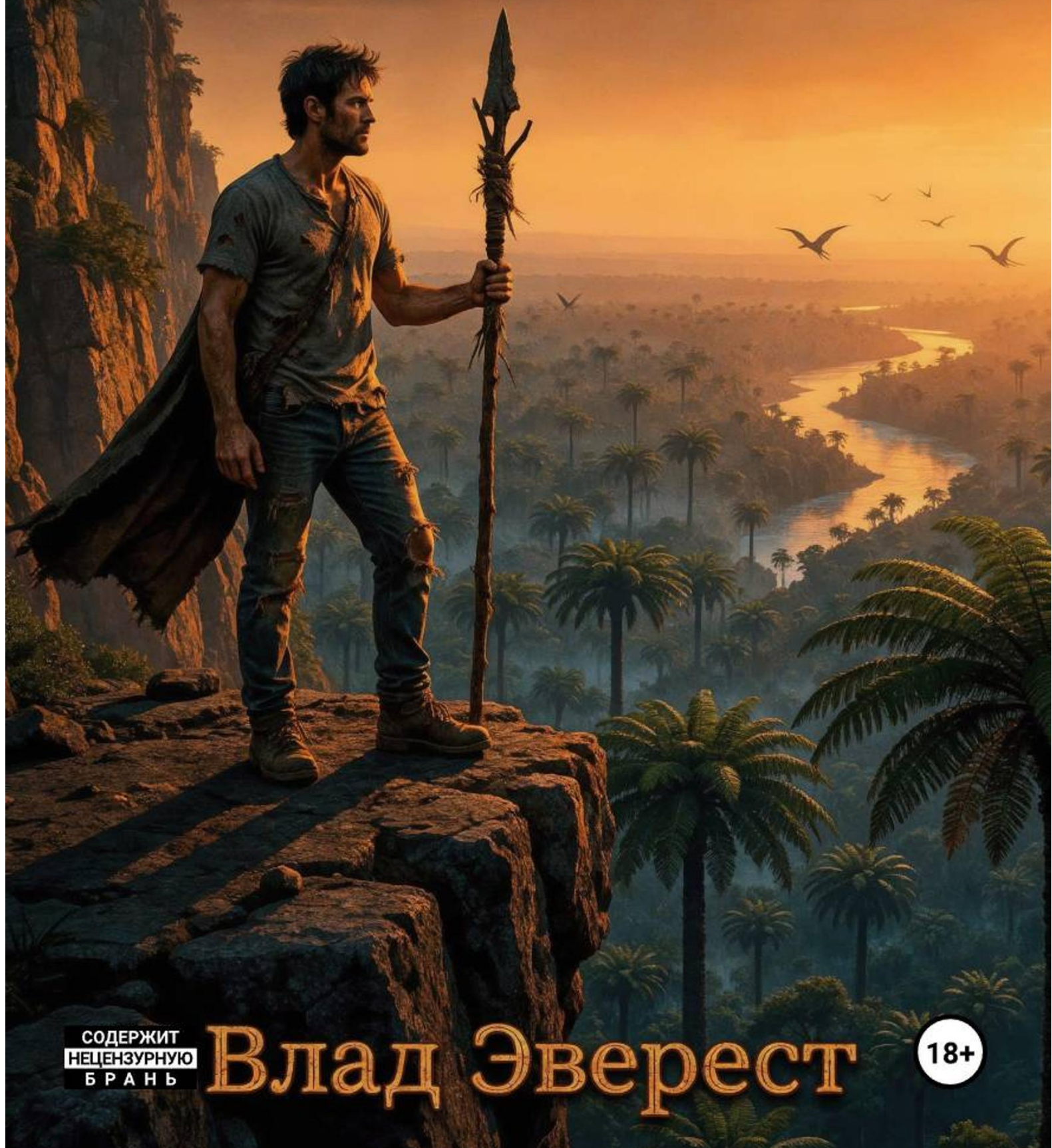

Эра ВЫЖИВАНИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Влад Эверест

18+

Влад Эверест

Эра выживания

«Автор»

2026

Эверест В.

Эра выживания / В. Эверест — «Автор», 2026

Их было семь миллиардов. Они владели планетой. В один миг они стали горсткой беженцев во времени, заброшенных в самый жестокий период истории их собственного дома. Для бариста Алексея конец света наступил без шума и пыли. Теперь его мир — это гигантские папоротники, чужое небо и рев хищников, для которых человек — лишь легкая добыча. Выживет ли человечество, лишенное своих технологий? Смогут ли вчерашние офисные клерки, фермеры и студенты построить новый дом, или они обречены стать лишь ископаемыми в "неправильной эре"? Борьба за будущее началась в далеком прошлом.

© Эверест В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. День, когда мир сломался.	5
Глава 2. Двое на краю света.	8
Глава 3. Истории на краю времени.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Влад Эверест

Эра выживания

Глава 1. День, когда мир сломался.

Я всегда думал, что конец света будет громким. Что он ворвется в нашу жизнь с ревом апокалиптических труб, ослепит вспышками ядерных грибов, оглушит воем сирен. Нас десятилетиями готовили к зрелищному финалу, полному спецэффектов. Но наш конец света пришел тихо. В обычный вторник. Без предупреждения и без единого звука.

Меня зовут Алексей, и в ту долю секунды, что предшествовала катастрофе, я был абсолютно, до зевоты, обычным человеком. Тридцатилетний бариста в собственной маленькой кофейне «Зерно Истины». Не женат, детей нет, ипотеки тоже. Весь мой мир умещался в этих двадцати квадратных метрах, пропахших свежемолотым кофе, ванильным сиропом и легким, почти неощутимым запахом несбывшихся надежд.

Утро было до неприличия идеальным. Солнце заливало помещение, превращая пылинки в воздухе в крошечные танцующие бриллианты. За окном неспешно текла сонная жизнь спального района: мамочки толкали перед собой коляски, клерки в мятых рубашках бежали к метро, пенсионеры выгуливали крошечных, злобных собачек, похожих на взбесившиеся комки шерсти.

— Леш, ну ты скоро? — Вероника из соседнего цветочного магазина нетерпеливо барабанила пальцами по дубовой стойке.

— Шедевр требует времени, — с важным видом ответил я, выводя молочную пену на замысловатую загогулину на ее капучино. Сердечки были для новичков. Сегодня я чувствовал в себе силы на лебедя. Ну, или на что-то, отдаленно напоминающее очень упитанную утку.

Я протянул ей чашку. Она улыбнулась, и в этот самый момент это случилось.

Никакой вспышки. Никакого гула. Мир не взорвался. Он просто... моргнул.

Первым отозвалось тело. Ощущение было такое, будто невидимая рука выдернула из-под ног весь мир, а потом с силой вбила его обратно. Резкий, почти тошнотворный приступ дурноты, словно на самых жутких американских горках. В ушах зазвенело, а перед глазами все поплыло, цвета смешались в грязную палитру. Я инстинктивно вцепился в край стойки, чтобы не упасть, но пальцы прошли сквозь дерево, словно оно было сделано из дыма. На долю секунды я увидел свои кости, просвечивающие сквозь кожу, как на рентгеновском снимке.

А потом все прекратилось.

Звон в ушах стих, сменившись оглушительной, первозданной тишиной. Я потрянул головой, пытаясь избавиться от головокружения. Первое, что я осознал — запах. Привычный аромат кофе и выпечки исчез. Вместо него в легкие ударил густой, влажный, тяжелый воздух, пахнувший прелой листвой, сырой землей и чем-то еще... чем-то незнакомым, животным, тревожащим самые древние уголки подсознания.

Второе — звук. Исчез гул города: шум машин, гудение холодильника, фоновая музыка. Остался лишь шелест листьев, трели каких-то невероятных птиц и жужжание, похожее на стрекот гигантских насекомых.

И третье, самое страшное. Я поднял голову.

Кофейни больше не было.

Я стоял на мягкой, пружинящей земле, покрытой мхом. Вокруг меня и Вероники, застывшей с неестественно белым лицом, простирался... лес. Но это был не тот лес, что я видел в походах выходного дня. Это было что-то иное. Нечто первобытное. Гигантские, похожие на зеленые фонтаны папоротники, высотой в два человеческих роста. Стволы деревьев, толстые,

как колонны античного храма, уходили в небо, их кроны сплетались в плотный зеленый купол, едва пропускающий солнечный свет.

Все исчезло. Стойка, кофемашина, столики, стены, асфальт за окном. Исчезло все, кроме нас самих. Я был одет в свои рабочие джинсы, футболку и фартук. В одной руке я все еще сжимал холодный металл питчера для молока. Вероника стояла напротив, в легком летнем платье, и из ее разжавшихся пальцев на мох упала фарфоровая чашка, которую я протянул ей всего вечность назад.

В привычном мире звук ее падения утонул бы в гуле улицы и музыке из колонок. Но здесь, в этой первозданной тишине, где единственным аккомпанементом был шелест листвы и стрекот неведомых насекомых, звон разбивающегося фарфора прозвучал оглушительно, как выстрел. Резкий, неуместный, последний аккорд нашего прошлого. Осколки белого фаянса, рассыпавшиеся по изумрудному мху, выглядели как кости давно умершей цивилизации.

Я посмотрел на свои руки. Потом на Веронику. Ее глаза были огромными, темными провалами на смертельно бледном лице. Она смотрела не на меня. Она смотрела сквозь меня, на деревья, на гигантские листья, на неправдоподобно яркую бабочку с размахом крыльев не меньше моей ладони. Ее губы беззвучно шевелились.

— Где... где мы? — наконец выдавила она шепотом, который был громче любого крика в этом чужом, тихом мире.

Я открыл рот, чтобы ответить, но не нашел слов. Что я мог ей сказать? Что мы, кажется, сошли с ума? Что это коллективная галлюцинация?

И тут земля под ногами содрогнулась. Легкая, но отчетливая вибрация, прошедшая по ступням и отдавшаяся где-то в груди. А следом из глубины этого чужого, невозможного леса донесся рев. Протяжный, низкий, утробный. Звук, от которого волосы на затылке встали дыбом, а в венах застыл первобытный, генетический ужас. Это был не рев медведя или тигра. Это был звук, принадлежавший миру, который, как я считал, умер шестьдесят пять миллионов лет назад.

Инстинкт, который дремал во мне все тридцать лет сытой и безопасной жизни, заорал громче любого рева: «БЕГИ!».

— Бежим! — выкрикнул я, сам не узнавая свой охрипший голос.

Я схватил Веронику за руку. Ее кожа была ледяной. Она стояла как вкопанная, в ступоре, глядя в ту сторону, откуда донесся звук.

— Вероника, пошевеливайся!

Новый, более близкий рев и треск ломаемых деревьев, казалось, вывели ее из оцепенения. В ее глазах блеснул ужас, но теперь это был ужас деятельный. Она кивнула, и мы рванули.

Куда? Подальше. В противоположную от рева сторону.

Бежать по этому лесу было сущим кошмаром. Ноги вязли во мху, спотыкались о скрытые под ним корни. Ветви гигантских папоротников хлестали по лицу, оставляя на коже горящие царапины. Воздух, густой и влажный, моментально забил легкие, я хрипел, задыхался, но продолжал бежать, таща за собой Веронику. Мой рабочий фартук цеплялся за все подряд, и я на бегу сорвал его, отбросив в сторону. Беспольный артефакт прошлого мира.

Пока мы неслись сломя голову сквозь этот зеленый ад, мой мозг, работающий в паническом режиме, лихорадочно пытался зацепиться за реальность. Я на автомате похлопал себя по карманам. Телефон! Может, он поможет? Компас? GPS? Хотя бы фонарик!

Я вытащил его на бегу, едва не выронив. Гладкий, холодный прямоугольник стекла и металла в моей руке был самым инородным предметом в этом мире. Я нажал на кнопку включения. Экран вспыхнул, показав мою дурацкую заставку — кадр из старого фильма. В левом верхнем углу горела надпись, ставшая приговором: «НЕТ СЕТИ». Конечно, нет сети. Какая, к черту, сеть на этом богом забытом лесу? Я смахнул экран, лихорадочно тыкая в иконку ком-

паса. Стрелка бешено завертелась, не в силах найти север. Магнитные полюса тоже переехали? Или телефон просто сошел с ума, как и его хозяин?

— Леша, сюда! — голос Вероники вырвал меня из ступора.

Она указывала на огромное, поваленное дерево, ствол которого был толщиной с мою старую «девятку». Под ним, среди переплетения могучих корней, чернел провал — что-то вроде неглубокой пещеры или норы, вымытой водой. Укрытие. Не идеальное, но лучшее, что у нас было.

Не сговариваясь, мы нырнули в эту спасительную темноту. Я затащил Веронику вглубь и сам вжался в сырую землю, стараясь не дышать. Изнутри наше убежище пахло влагой, грибами и чем-то звериным, но сейчас мне было плевать. Главное — мы были скрыты от глаз.

Снаружи продолжалась симфония разрушения. Треск, хруст, а потом — тяжелые, глухие удары, от которых земля под нами вздрагивала. Бум. Бум. Бум. словно великан бил в гигантский барабан. Что-то огромное проходило совсем рядом с нашим укрытием. Я зажмурился, вжимаясь в стену норы, и молился всем богам, в которых никогда не верил. Я слышал, как рядом тихо всхлипывает Вероника, зажав рот ладонью.

Шаги удалялись. Рев стих. Постепенно воцарилась прежняя, наполненная жизнью тишина.

Прошла минута. Пять. Десять. Мы не шевелились.

Наконец я решился выглянуть. Осторожно, по миллиметру, я выполз из-под корней и огляделся. Никого. Только сломанные молодые деревца и гигантские, глубокие следы на влажной почве. Каждый след был размером с крышку канализационного люка.

Я медленно сполз по корню обратно на землю. Адреналин, гнавший меня вперед, отхлынул, оставив после себя звенящую пустоту и дрожь во всем теле. Ноги подкосились. Я сидел на земле, смотрел на свои руки, перепачканные грязью, на порванные джинсы. И тут меня накрыло.

Не страх. Страх был раньше, он был понятной, животной реакцией. Сейчас пришло Осознание. Холодное, парализующее, всеобъемлющее.

Все. Конец.

Моя квартира на седьмом этаже. Моя коллекция виниловых пластинок. Книга, которую я не дочитал. Мать, живущая в другом городе, которой я обещал позвонить в выходные. Все это исчезло. Не просто далеко — этого больше не существует. Или, наоборот, еще не существует. Какая разница?

Я достал из кармана кошелек. Раскрыл его. Банковские карты, водительские права с моей нелепой фотографией, несколько мятых купюр. Беспольный мусор. Я вытащил ключ от кофейни. Блестящий кусочек металла, который еще час назад был символом моей маленькой, но собственной мечты. Теперь им можно было разве что попытаться выковырять личинку из-под коры.

Я посмотрел на Веронику. Она сидела, обхватив колени руками, и раскачивалась взад-вперед, как в трансе. Ее взгляд был пуст. Истерика прошла, оставив после себя лишь апатию.

И вот тогда мне стало по-настоящему страшно. Не за свою жизнь. А от абсолютной, вселенской бессмысленности всего, что произошло. Мы — два вида хомо сапиенс, в модной одежде, с айфонами и кредитками, — заброшены на 65 миллионов лет в прошлое. Мы — самые нелепые, самые неприспособленные существа во всей истории этой планеты.

Я горько усмехнулся. И тут же зажал себе рот. Смех прозвучал как рыдание. В кармане завибрировал телефон. Я вздрогнул от неожиданности, выхватил его. На экране горело уведомление: «Батарея разряжена. Осталось 15%».

И этот маленький, умирающий огонек цивилизации в моих руках показался мне самой жестокой насмешкой из всех.

Глава 2. Двое на краю света.

Я смотрел на умирающий экран телефона, потом на Веронику, застывшую в позе эмбриона, и смех, горький и ядовитый, сам собой вырвался из груди. Он прозвучал в тишине леса так же неуместно, как звон разбитой чашки час назад. Или это была целая жизнь?

— Пятнадцать процентов, — сказал я в пустоту, ткнув пальцем в иконку батареи. — У нас есть еще пятнадцать процентов цивилизации. Надо их как-то отметить. Может, закажем пиццу? Доставка за тридцать минут или она бесплатно, помнишь? Интересно, это правило распространяется на шестьдесят пять миллионов лет?

Вероника подняла на меня голову. Ее лицо было мокрым от слез, которые она, видимо, проливала молча, пока я предавался самокопанию. В ее глазах не было ни страха, ни отчаяния. Только чистое, ледяное презрение.

— Ты идиот? — прошипела она, и в ее голосе было столько яда, что им можно было бы отравить небольшого динозавра. — Тебе смешно?

— А что, плакать надо? — я вскочил на ноги, чувствуя, как внутри закипает иррациональный, спасительный гнев. Злость была проще, чем всепоглощающий ужас. Злость давала энергию. — Да, мне смешно! Нам конец, Вероника! Мы — еда! Мы стоим в самом низу пищевой цепочки, и единственное, что у нас есть — это телефон сдохлой батареей и ключ от несуществующей кофейни! Это же просто обхохочешься!

Мой голос срывался. Я размахивал руками, обращаясь не столько к ней, сколько к этому безмолвному, враждебному лесу.

— Прекрати! — она тоже вскочила, и ее апатию как рукой сняло. Лицо покраснело, руки сжались в кулаки. — Ты только о себе думаешь! «Моя кофейня», «мой телефон»! А я? Я вообще в летнем платье и босоножках! Я даже не знаю, где мы! Я хочу домой!

Она закричала последнее слово, и этот крик, полный боли и детской обиды, эхом прокатился по лесу. Он взлетел над верхушками гигантских папоротников и затих, поглощенный равнодушной зеленью. Сразу после крика ее лицо исказилось от испуга. Она зажала рот рукой, испуганно оглядываясь по сторонам, словно ожидая, что сейчас из-за каждого куста на ее зов сбегутся все чудовища этого мира.

Мы замолчали, тяжело дыша и враждебно глядя друг на друга. Двое совершенно чужих людей, случайно оказавшихся вместе в аду. Вся наша общность сводилась к тому, что мы принадлежали к одному, теперь уже вымирающему, виду. Напряжение между нами можно было резать ножом.

— Прости, — наконец выдавил я, опускаясь на землю. Гнев ушел так же быстро, как и пришел, оставив после себя лишь горький привкус стыда и звенящую пустоту. — Я не должен был...

— Нет, — она покачала головой, отводя взгляд. — Ты прав. Плакать бесполезно. Просто... я не знаю, что делать.

Она снова опустилась на землю, но теперь в ее позе не было апатии. Была усталость. Бесконечная, вселенская усталость человека, который только что пробежал марафон, а на финише узнал, что это был только разогрев.

Я сел рядом, но на приличном расстоянии. Нам обоим нужно было личное пространство, даже если вокруг на тысячи километров не было ни души. Сейчас мы были друг для друга не спасением, а живым напоминанием о катастрофе.

— Я тоже не знаю, — честно признался я, вертя в руках бесполезный ключ. — Никто не знает. В гугле нет статьи «Десять лайфхаков для выживания в мезозое».

Она едва заметно улыбнулась уголкам губ. Это была даже не улыбка, а просто спазм лицевых мышц, но мне стало чуть легче. Значит, она еще здесь. Не ушла в себя окончательно.

Мы сидели в молчании, и это было уже другое молчание. Не враждебное. Мы были двумя песчинками на берегу безбрежного и страшного океана. И мы были единственной опорой друг для друга. Понравится нам это или нет.

— Холодно, — прошептала Вероника, обхватив себя за плечи. Ее тонкое платье совершенно не годилось для наступивших сумерек. Солнце почти скрылось за деревьями, и из низин потянул влажный, прохладный туман, цепляясь за кожу ледяными пальцами.

— Да, — сказал я, глядя на свои руки, покрывшиеся мурашками. — Нам нужен огонь.

Огонь. Это слово прозвучало как заклинание. Огонь — это тепло. Огонь — это свет. Огонь — это защита от хищников, которые наверняка выходят на охоту с наступлением темноты. Огонь — это центр маленькой вселенной, очаг, вокруг которого можно было снова почувствовать себя человеком.

— Но как? — ее голос был полон скепсиса. — У тебя есть зажигалка?

Я мысленно вернулся к моменту, когда срывал с себя фартук во время бегства. Зажигалка и почти полная пачка сигарет были в его кармане.

— Была, — глухо ответил я. — В фартуке. Я его... сбросил.

Вероника закрыла глаза, и я увидел, как по ее лицу пробежала тень отчаяния. Я только что погасил последнюю искру надежды.

— погоди, — я лихорадочно шарил по карманам джинсов. Кроме телефона и кошелька там ничего не было. Глупо. Глупо! Кто кладет зажигалку в фартук, а не в джинсы? — Но это не все. Нам нужно поговорить. Составить план. Даже самый дурацкий план лучше, чем никакого.

Я сел напротив нее, стараясь поймать ее взгляд.

— Первое. Вода. Мы не знаем, когда найдем источник. Нужно экономить силы. Второе. Укрытие. Эта нора — временное решение. Ночью здесь будет холодно и, скорее всего, небезопасно. Третье. Оружие. Хотя бы палки. Четвертое... — я запнулся, — нужно найти остальных.

Она слушала внимательно, и я видел, как в ее глазах постепенно разгорается огонек осмысленности. Структурированный план, даже такой примитивный, действовал успокаивающе. Он создавал иллюзию контроля.

— И как мы добудем огонь без зажигалки? — спросила она. Ее голос был уже не таким безнадежным. Это был практический вопрос.

— Я... я видел в фильмах, — неуверенно начал я, чувствуя себя полным идиотом. — Палочкой... тереть. Или камни друг о друга...

Она посмотрела на меня, и на этот раз в ее взгляде не было презрения. Была лишь слабая, очень слабая тень иронии.

— «Видел в фильмах»? Леша, мы в заднице. В полной, первобытной заднице. И наш единственный план — это то, что ты «видел в фильмах»?

Ее слова повисли в сыром воздухе. И она была права. Абсолютно права. Мои познания о выживании были на уровне городских легенд и сюжетов приключенческих боевиков. И сейчас цена этой некомпетентности — наши жизни.

Но потом в памяти вспыхнул образ. Я бегу, ветки хлещут по лицу, фартук цепляется за куст, я срываю его и бросаю. Это было... недалеко. Совсем недалеко. Может, в паре сотен метров отсюда.

Зажигалка.

Эта мысль пронзила меня, как электрический разряд. Дешевая пластиковая зажигалка, которую я купил на сдачу на заправке. Сейчас она была ценнее всех сокровищ мира. Это был наш единственный реальный шанс на огонь.

— Фартук, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Я бросил его недалеко. Я помню где.

Вероника посмотрела на меня с тревогой. Лес вокруг нас стремительно темнел, превращаясь в пугающую массу черных теней и смутных очертаний.

— Ты с ума сошел? — прошептала она. — Ты слышал, что там ходило? Мы не знаем, что там!

— А я знаю, что будет здесь без огня, — отрезал я, стараясь, чтобы мой голос звучал тверже, чем я себя чувствовал. — Холод. Темнота. И мы станем легкой добычей для всего, что видит в этой темноте лучше нас. Я быстро. Туда и обратно.

Я не дал ей шанса возразить. Я понимал, что если буду колебаться хоть секунду, страх победит. Я выбрался из-под корней. Лес встретил меня враждебно. Каждый шорох, каждый треск ветки под собственной ногой заставлял сердце ухать куда-то в пятки. Я подобрал с земли толстую, увесистую ветку. Она была кривой и неудобной, но в руке ощущалась как единственная защита от этого мира. Оружие. Первое оружие в моей жизни.

— Сиди здесь. Не высовывайся, — бросил я Веронике и, не оборачиваясь, шагнул в сумерки.

Стоило мне отойти от нашего укрытия на десять шагов, как меня накрыло с головой. Это был не тот адреналиновый страх, что гнал меня вперед часом ранее. Это был другой страх — липкий, холодный, иррациональный. Па-ра-нойя.

Мне казалось, что за мной следят. Десятки невидимых глаз провожали меня из-за каждого ствола, из-за каждого гигантского листа папоротника. Мозг, перевозбужденный и напуганный, дорисовывал реальность. В переплетении лиан я видел хищный силуэт, в шелесте листвы слышал крадущиеся шаги. Кожа горела от ощущения чужого взгляда на затылке. Я шел, пригнувшись, стараясь ступать бесшумно, но каждый мой шаг казался мне оглушительным. Я был чужаком. Громким, неуклюжим, пахнущим страхом приматом в мире идеальных хищников.

Вот тот куст. Я узнал его по странной, раздвоенной форме. Я бросил фартук где-то здесь. Я начал шарить по земле, не смея включить фонарик на телефоне, чтобы не выдать себя. Руки скользили по мокрой листве, мху, каким-то склизким грибам. Ничего. Может, я ошибся? Может, его утащило какое-то животное?

Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышен по всему лесу. Я уже был готов сдаться и бежать обратно, когда мои пальцы наткнулись на грубую ткань. Фартук! Я схватил его, как утопающий хватается за соломинку. Лихорадочно пошарил в кармане. Пусто. Другой карман... Есть!

Пальцы нащупали прямоугольный пластик зажигалки и твердый прямоугольник сигаретной пачки. Я вытащил их и сунул в карман джинсов. Победа. Маленькая, но такая важная победа.

Я выпрямился, собираясь двинуться в обратный путь, и замер. Прямо передо мной, метрах в пятнадцати, из-за ствола дерева на меня смотрели два желтых, светящихся в темноте глаза. Они были расположены невысоко от земли, примерно на уровне моего пояса. Они не мигали. Просто смотрели.

Я застыл, превратившись в соляной столб. Дыхание перехватило. Ветка в моей руке внезапно показалась зубочисткой. Я не знал, кто это. Но я знал, что он меня видит. И он не двигался. Он ждал.

Я медленно, по миллиметру, начал отступать назад. Шаг. Еще шаг. Глаза не двигались, провожая меня. Я не смел повернуться спиной. Я пятился, спотыкаясь о корни, не сводя взгляда с двух желтых огоньков в темноте. Когда расстояние между нами показалось мне достаточно большим, я развернулся и бросился бежать.

Я несся, не разбирая дороги, подгоняемый ужасом, и влетел в наше убежище так, что едва не сбил Веронику с ног.

— Что там?! — вскрикнула она.

— Не знаю! — выдохнул я, пытаюсь отдышаться. — Просто сиди тихо!

Я забился в самый дальний угол нашего логова. Сердце все еще пыталось пробить грудную клетку. Но в кармане джинсов лежал мой трофей.

Когда дыхание немного выровнялось, я достал пачку сигарет. Руки дрожали так, что я с трудом вытащил одну. Чиркнул зажигалкой. Раз. Два. На третий раз крошечный язычок пламени вырвался на свободу, озарив наши бледные лица и стены земляной норы.

Я поднес огонек к сигарете и глубоко затянулся. Никотин ударил в голову, немного проясняя мысли. Затем я начал собирать сухие листья и мелкие веточки, которые смог нащупать в нашем укрытии. Сложив их в небольшую кучку, я снова щелкнул зажигалкой. Сухая листва вспыхнула мгновенно. Мы подбрасывали в огонь все, что могли найти — кору, мох, тонкие палочки.

Крошечный костерок разгорался. Он был жалким, он дымил, но он давал свет и, самое главное, тепло. Мы с Вероникой придвинулись к нему, протягивая руки к танцующему пламени. Мрак отступил на пару метров, и наш маленький мирок под корнями старого дерева стал чуть менее враждебным. Он стал почти уютным.

Я посмотрел на Веронику. В ее глазах отражался огонь, и впервые за этот бесконечный день я увидел в них не ужас и не отчаяние. Я увидел там крошечную, слабую, но все-таки надежду. И понял, что мой рискованный поход стоил того.

Мы выжили. По крайней мере, до утра.

Глава 3. Истории на краю времени.

Тепло от костра было настоящим чудом. Оно прогоняло не только ночную прохладу, но и липкий, пробирающий до костей страх. Пламя отбрасывало на земляные стены нашего убежища трепещущие тени, превращая тесную нору под корнями в подобие первобытной пещеры. Мы сидели молча, завороченно глядя на огонь. Каждый треск полена, каждый всполох пламени был звуком и символом жизни.

— Спасибо, — вдруг сказала Вероника, нарушив уютную тишину. Голос ее был тихим, почти неслышным за треском огня.

— За что? — удивился я.

— За огонь. За то, что вернулся. Я думала... я думала, ты не вернешься. Или что тебя... — она не договорила, но я понял.

— У меня не было выбора, — я пожал плечами, пытаюсь скрыть тот факт, что ее слова меня тронули. — Без огня мы бы тут замерзли. Или нас бы съели. Или и то, и другое.

Я достал еще одну сигарету. Пачка — девятнадцать штук. Нужно экономить. Каждая сигарета — это несколько минут иллюзии контроля над собственной жизнью. Я закурил от горящей ветки.

— Надо же, — усмехнулась она, и в ее голосе прозвучали первые за этот день теплые нотки. — Я всю жизнь ненавидела сигаретный дым. А сейчас это самый прекрасный запах на свете.

Мы помолчали, глядя, как искры взлетают вверх и тают во мраке.

— У тебя... там... кто-нибудь остался? — осторожно спросила она.

Вопрос был простым, но он ударил под дых. «Там». В мире, который был всего несколько часов назад и который теперь казался недостижимой сказкой. Я на секунду задумался, прокручивая в голове калейдоскоп лиц. Мама в Ростове, которой я обещал позвонить. Отец, с которым мы не общались уже лет пять. Пара друзей, пятничные посиделки в баре. Бывшая девушка, чей номер я все еще не решался удалить. Целая жизнь, сведенная к набору воспоминаний.

— Остались, — глухо ответил я. — А у тебя?

— Муж, — сказала она, и ее голос дрогнул. — И дочка. Маша. Ей пять. Сегодня утром я отвела ее в садик... Она плакала, не хотела меня отпускать. А я... я торопилась на работу. Сказала ей, что вечером заберу и мы пойдем в парк...

Она замолчала, и я услышал, как она сдавленно всхлипнула. Я не знал, что говорить в таких ситуациях. Любые слова утешения были бы фальшивыми и пустыми. Но и молчать было нельзя.

— Они тоже здесь, — вдруг сказал я, сам удивляясь своей уверенности. — Где-то. Твой муж, твоя дочка... они тоже сидят сейчас где-нибудь у костра. Мы их найдем.

Я не знал, верю ли я в это сам, но видел, как Вероника вцепилась в эти слова. Надежда, даже самая призрачная, была единственным лекарством. Она вытерла слезы тыльной стороной ладони и кивнула.

— Ты прав. Их нужно найти.

Разговор о близких плавно перетек в практические вопросы. Если все здесь, то как их искать? Куда идти?

— Я должен кое-что проверить, — сказал я, доставая телефон. Четырнадцать процентов. Каждая секунда работы экрана была на вес золота. — Как думаешь, мы... на том же месте? Просто в прошлом?

— В смысле? — не поняла она.

— Ну, географически. Если да, то мы где-то на восточной окраине Москвы. Район Выхино-Жулебино, Юрский период. Звучит как название артхаусного фильма.

Я открыл галерею. Скриншот карты мира, который я когда-то делал. Привычные очертания материков. А затем открыл другую картинку — карту Пангеи, распадающейся на Лавразию и Гондвану.

— Посмотри, — я показал ей. — Все другое. Если мы где-то здесь... — я ткнул пальцем в приблизительную область будущей Восточной Европы, — то до ближайшего океана тысячи километров. Наши карты бесполезны. Мы даже не знаем, есть ли здесь уже Уральские горы, или они появятся через пару миллионов лет.

— А звезды? — вдруг спросила она. — По ним же всегда ориентировались. Полярная звезда...

Это была гениальная в своей простоте мысль. Я осторожно выглянул из нашего укрытия. Небо было невероятным. Лишенное светового загрязнения, оно было усыпано мириадами ярких, немигающих звезд. Черный бархат, усыпанный алмазной крошкой. Но... рисунок был совершенно чужим. Я тщетно искал знакомый ковш Большой Медведицы, Пояс Ориона, что угодно. Ничего.

— Они другие, — прошептал я, возвращаясь к костру. — Созвездия изменились за миллионы лет. Мы не найдем Полярную звезду. Мы даже не знаем, в каком мы полушарии.

Вероника обхватила себя руками.

— Значит... мы потеряны, — сказала она. Это был не вопрос, а утверждение.

— Да, — честно ответил я. — Без карты, без компаса, без знакомых звезд. Но, — я поднял палец, — у нас есть кое-что. Восход и закат. Мы знаем, где восток и где запад. Это уже что-то. Это вектор. Завтра утром солнце взойдет там, — я махнул рукой в одну сторону, — а сядет там, — я махнул в другую. — Это наш компас.

Мы снова помолчали, переваривая эту информацию. Мы были потеряны не только во времени, но и в пространстве. Просто двое людей на огромном, неизвестном шаре суши, плывущем в бесконечном космосе.

— Хорошо, — сказала Вероника, и в ее голосе появилась стальная твердость. — Восток и запад. Вода. Еда. Другие люди. С чего-то нужно начинать.

Она посмотрела на меня, и в свете костра ее глаза казались очень серьезными.

— Леша, мы ведь справимся?

Я посмотрел на ее испуганное, но решительное лицо, на наши грязные руки, на жалкий костерок, который был центром нашей маленькой вселенной. Посмотрел на свою дрожащую руку с зажатой в ней сигаретой.

— Понятия не имею, — честно сказал я. — Но мы попробуем.

Этот ответ, кажется, удовлетворил ее больше, чем любая бравадная ложь. Она кивнула, еще плотнее закуталась в свое тонкое платье, которое я даже не мог предложить ничем дополнить, и прислонилась к земляной стене недалеко от огня.

— Разбуди меня через пару часов, — пробормотала она. — Будем дежурить по очереди.

Я кивнул, хотя и не собирался ее будить. После такого дня, после ее рассказа о дочери... ей нужен был отдых. А я, наоборот, чувствовал, что не смогу уснуть, даже если мне вколют лошадиную дозу снотворного. Мой мозг работал на предельных оборотах.

Через несколько минут ее дыхание стало ровным и глубоким. Она уснула. И я остался один на один с этой ночью.

Я подбросил в огонь пару веток. Пламя жадно облизало их, и тени на стенах нашего укрытия заплясали свой причудливый танец. Теперь, когда Вероника спала и не нужно было поддерживать фасад уверенности, я позволил себе по-настоящему прислушаться к этому миру.

И мир заговорил.

Это была не тишина. Это была полифония жизни и смерти. Низкое, горловое уханье, похожее на звук, который издает филлин, только в десять раз громче и глубже. Высокий, мелодичный пересвист, который резко обрывался коротким, паническим вскриком. Монотонный,

почти механический стрекот мириад насекомых, создававший плотную звуковую стену, на фоне которой разворачивалась ночная драма.

Где-то далеко, очень далеко, снова раздался рев. Тот самый, что мы слышали днем. Ночью он звучал еще страшнее, еще более чужеродно. Он был голосом этого мира, его визитной карточкой. И он напоминал, кто здесь настоящий хозяин.

Внезапно совсем рядом, прямо за корневой стеной нашего укрытия, послышался быстрый шорох и испуганный писк. Что-то маленькое и быстрое пробежало в считанных сантиметрах от моей головы, спасаясь от кого-то или чего-то. Я невольно вжался в стену, сердце пропустило удар. Здесь, в этом мире, даже самые мелкие твари были частью безжалостной пищевой цепи. И я прекрасно понимал, на какой ее ступени находимся мы.

Я сидел, подперев подбородок рукой, и смотрел на огонь, а мой мозг лихорадочно перебирал все, что я когда-либо знал о динозаврах. Информация была обрывочной и, по большей части, абсолютно бесполезной. «Парк Юрского периода». Я вспомнил все части. Тираннозавр не видит, если ты не двигаешься — бред, ученые давно это опровергли. У него, скорее всего, было отличное зрение и нюх. Рапторы. Умные, стайные охотники. В фильме они были размером с человека, но я смутно припоминал, что читал где-то, что настоящие велоцирапторы были не больше индюка. Хотя какая, к черту, разница, если на тебя несется стая злобных, зубастых «индюков»?

Герои фильмов всегда находили выход. У них были джипы, ружья, вертолеты. У них был сценарий, в котором они должны были выжить. У нас не было ничего.

Я вспомнил документальные фильмы. Гигантские травоядные — диплодоки, брахиозавры. Они, наверное, не опасны, если не наступишь им под ноги. Но отличить на вид опасного хищника от «безопасной» травоядной махины я бы не смог. Для меня они все были чудовищами.

И сквозь весь этот хаос мыслей, страхов и обрывков поп-культуры начала прорастать одна, главная, кристально ясная идея.

Выживание в одиночку — или даже вдвоем — невозможно.

Мы не выживем. Мы можем быть сколь угодно осторожными, умными, удачливыми, но рано или поздно мы совершим ошибку. Нас укусит ядовитое насекомое. Мы съедим не ту ягоду. Мы столкнемся с хищником, от которого не сможем убежать или спрятаться.

Единственный шанс человечества в этом мире — это само человечество.

Нужно искать других. Не просто как самоцель, а как единственную работающую стратегию выживания. Десять человек уже сильнее, чем двое. Сто человек — это уже сила. Они могут организовать посменные дежурства, отправлять на охоту и собирательство группы, строить укрепления. У ста человек будут врачи, инженеры, охотники, солдаты. У ста человек есть шанс построить новый мир. У двоих — нет.

Этот план — «Найти своих» — стал моим внутренним стержнем. Он придавал смысл всему, что нам предстояло сделать. Поиск воды — это не просто утоление жажды, это шаг на пути к реке, у которой могут быть другие. Поиск еды — это не просто набивание желудка, это топливо для долгого пути.

Ночь тянулась бесконечно. Я подбрасывал ветки в костер, слушал крики и шорохи, и думал. Думал о том, как объяснить это Веронике. Думал о том, куда идти. На восток? На запад? Просто вниз по течению, если мы найдем реку?

Я не заметил, как звуки ночи начали меняться. Глубокие уханья и резкие крики стали реже. В хоре насекомых появились новые, более высокие ноты. Мрак за пределами нашего укрытия перестал быть абсолютным, он начал сереть, разбавляться синевой.

Я выглянул наружу. Над верхушками гигантских деревьев на востоке небо окрасилось в нежно-розовый цвет. Начинался новый день. Первый день нашей новой жизни.

Я осторожно растолкал Веронику.

— Вставай, — тихо сказал я. — Солнце встает.

Она открыла глаза, и я увидел в них остатки сна и секундное непонимание. А потом она все вспомнила, и ее взгляд стал ясным и тревожным.

— Что-нибудь было? — спросила она шепотом.

— Ничего, — солгал я. — Тихая ночь.

Незачем было пугать ее раньше времени. Сегодня у нас был план. И это было главное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.